

*А.А. Бурькин*

**Этногенез нивхов, межэтнические связи  
в Приамурско-Сахалинском регионе  
и проблема генетической принадлежности  
нивхского языка**

Нивхский язык стал предметом изучения отечественных ученых несколько позже, чем другие языки Северо-Востока Азии и Дальнего Востока. Первые публикации, посвященные этому языку, относятся ко второй половине XIX в., и Л.Я. Штернберг с полным правом может считаться одним из пионеров в изучении этого весьма любопытного во многих отношениях языка, столь непохожего на языки соседей, особенно если смотреть на языковую картину в Приамурье и на Сахалине с Запада, а не с Востока.

С начала 1890-х годов Л.Я. Штернберг вел исследования в области этнографии, фольклора и языков народов Приамурья и Сахалина. Нет ничего удивительного в том, что его интересовали прежде всего материалы по лексике языков народов, которые он изучал, поскольку она отражает как материальную и духовную культуру народа, говорящего на данном языке, так и межэтнические связи, проявляющиеся в контактирующих языках. Хорошо известно, какой научный и общественный резонанс вызвали открытия Л.Я. Штернберга в области терминологии родства и социального устройства нивхов СР вместе с особенностями СТР [Штернберг 1893]. Этнографические публикации Л.Я. Штернберга заметил Ф. Энгельс и отозвался на них статьей, которая позже публиковалась в приложении к его трудам и изучалась вместе с ними на родине ученого [Энгельс 1893: 377–378].

Л.Я. Штернберг внес выдающийся вклад в изучение нивхского языка и фольклора прежде всего как собиратель текстов. Его труд «Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора» до сих пор не превзойден ни по количеству материала, ни по его качеству. Только недавно мы получили возможность сравнивать вклад Л.Я. Штернберга с тем, что в этой области сделали его современники (Б.О. Пилсудский) и последователи (Г.А. Отаина). Все прочие публикации по фольклору нивхов сильно проигрывают тому, что сделал Штернберг, и в объеме, и в качестве публикаций.

Будучи крупнейшим теоретиком этнографии и разносторонним исследователем культуры народов Приамурья и Сахалина, Л.Я. Штернберг не слишком много внимания уделял проблемам этногенеза, эти вопросы в его трудах обычно увязывались с конкретикой. Однако его статья «Айнская проблема» не только является образцом этногенетических изысканий ученого, но и показывает, насколько он был внимателен к вопросам языковых и этнокультурных связей изучаемых им народов. В этой статье, кажется, впервые после Айнско-русского словаря М.М. Добротворского (1875–1876), где были отмечены гиляцкие слова в айнском языке и некоторые культурные термины, был поставлен вопрос об объеме и характере нивхско-айнских языковых связей. Заметим, что данная тема исключительно долго, вплоть до настоящего времени, оставалась без внимания, отчасти из-за того, что айнский язык мало интересовал отечественных лингвистов, кроме того, их занимали в основном вопросы грамматики и типологии, но не лексики.

Вот что писал Л.Я. Штернберг о перспективах изучения этногенеза нивхов: «Естественнее всего напрашивается мысль о племенном родстве гиляков либо с айнами, либо с их тунгусскими соседями. Наружное сходство в значительной степени как будто подтверждает эту мысль. Но мы увидим далее, что физиономическая близость этих племен ничего общего не имеет с единством их происхождения, между тем самый важный и <быть> м<ожет> единственный признак племенной общности, язык, дает в этом случае категорическое отрицательное показание. Язык гиляков не имеет ничего общего ни по своему строю и фонетике, ни по грамматическому строю с языками соседних племен; да и на всем материке Азии мы не знаем пока ни одного языка, который мог бы претендовать на близость его с гиляцким» [Штернберг 1905: 2].

Эта же мысль повторяется по существу до сих пор. Ч.М. Таксами, в частности, пишет: «Первая научно обоснованная гипотеза о происхождении нивхов была высказана Л.И. Шренком в середине XIX в. Он обратил внимание на изолированное положение нивхского языка: “Гиляки по языку не состоят ни в каком родстве ни со своими соседями, айнами или тунгусскими племенами, ни с каким-либо из народов Сибири, Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки” [Шренк 1883: 216, 257]» [Таксами 1980: 197].

Материальная и структурная специфика нивхского языка по отношению к другим языкам народов северо-востока Азии сразу же поставили его в изолированное положение, что и привело к тому, что нивхский язык до сих пор числится среди «палеоазиатских» языков. Тем не менее уже самые первые исследователи этого языка, в частности автор первого объемного нивхского глоссария В. Грубее, отметили в этом языке несколько десятков слов, в основном культурных терминов, совпадающих со словами тунгусо-маньчжурских языков Приамурья (лучше других к этому времени был изучен нанайский) и маньчжурского языка. Эта работа определила на грядущие десятилетия интерес ученых-тунгусо-маньчжуроведов к нивхскому языку. Лексические сходжения нивхского языка и тунгусо-маньчжурских языков, в основном по имевшейся литературе, отмечаются в «Тунгусском словаре» С.М. Широкогорова, этими вопросами активно интересовалась на протяжении всей своей жизни В.И. Цинциус, ученица Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза., а также А.М. Золотарев.

Описание звукового и грамматического строя нивхского языка, а также и изучение лексического состава этого языка были продолжены одним из прямых учеников Л.Я. Штернберга — Е.А. Крейновичем. Им был подготовлен систематический очерк грамматического строя этого языка, а в 1937 г. вышла в свет «Фонетика нивхского языка» — книга знаковая, написанная в содружестве с фонетистами, давшая исчерпывающее описание звукового строя языка. Среди прочего она интересна и тем, что в ней, хотя она посвящена другим проблемам, приводятся некоторые нивхско-тунгусо-маньчжурские соответствия.

Позже, в 1955 г., Е.А. Крейнович опубликовал специальную работу, в которой дал обобщение нивхско-тунгусо-маньчжурских лексических параллелей, и она стала надолго основанием для оценки характера нивхско-тунгусо-маньчжурских языковых связей именно как контактных, ареальных. Она и ныне не утратила своего значения, хотя бы потому, что в ней приводятся такие нивхские примеры, которые не вошли в появившиеся позднее словари нивхского языка. В более поздней публикации Е.А. Крейнович привел несколько десятков лексических параллелей нивхского языка с чукотско-камчатскими языками.

Работы Е.А. Крейновича, а также активное развитие сравнительно-исторического изучения алтайских языков вызвали к жизни гипотезу о принадлежности нивхского языка к алтайской языковой семье. Эта гипотеза изложена в ряде работ Т.А. Бертагаева и В.З. Панфилова. Определенным недостатком их является то, что они основаны по преимуществу на уже известном материале и, по существу, не содержат оснований для каких-либо модификаций реконструкции архаического состояния нивхского языка или каких-то групп алтайских языков.

Активизация исследований в области сравнительного тунгусо-маньчжуроведения (где оказалось крайне трудно сказать что-то новое), необходимость совершенствовать сравнительно-историческую фонетику и лексику алтайских языков вкупе с нерешенностью нивхской проблемы и осознанием ценности нивхского материала для сравнительного тунгусо-маньчжуроведения заставили автора обратить внимание на нивхско-тунгусо-маньчжурские параллели в работах Е.А. Крейновича, потом — всех предшественников и современников.

Долгое время считалось, что первая и в течение длительного времени единственная работа, специально посвященная ареальным связям нивхского языка, в частности нивхско-тунгусо-маньчжурским связям, принадлежит Е.А. Крейновичу [Крейнович 1955]. Однако, как показывает изучение истории вопроса, тот же Е.А. Крейнович отмечал наличие тунгусских параллелей у нивхских слов еще в своих работах 1930-х годов [Крейнович 1934; Крейнович 1937]. Более того, работы Е.А. Крейновича дали в распоряжение тунгусо-маньчжуроведов материал для сравнения нивхских слов со словами тунгусо-маньчжурских языков.

В дальнейшем такими связями занималась В.И. Цинциус, она отмечала нивхско-тунгусо-маньчжурские параллели и параллели в лексике нивхского и других алтайских языков [Сравнительный словарь 1975–1977] и посвятила небольшую, не слишком хорошо известную, но довольно важную работу проблематике нивхско-алтайских языковых связей [Цинциус 1974: 1983]. Позднее на лексические параллели между тунгусо-маньчжурскими языками и нивхским языком обращали внимание этнографы, занимавшиеся материальной и духовной культурой народов Приамурья и Сахалина (например, [Смоляк 1975;

1984]), однако их наблюдения не могли решить вопрос о причинах общности происхождения культурной терминологии в этих языках.

С начала 1970-х годов появляются публикации Т.А. Бертагаева и В.З. Панфилова [Бертагаев, Панфилов 1972; Панфилов 1973], в которых, кажется, впервые поднимается вопрос о том, что нивхский язык может принадлежать к алтайским языкам. Эти работы, в особенности статья В.З. Панфилова [Панфилов 1973], играют важную роль в истории изучения проблемы прежде всего ее верным пониманием. Недостатком статьи В.З. Панфилова, как понятно сейчас, является привлечение сравниваемых слов по сходству без внимания к реконструкции, а также то, что в этой работе большая часть материала повторяет наблюдения Е.А. Крейновича, которые привели последнего к другому выводу — о контактных связях нивхского и тунгусо-маньчжурских языков.

С середины 1980-х годов проблема генетических связей нивхского языка, в первую очередь — отношения нивхского языка к алтайским языкам, составляет предмет внимания автора настоящей работы. После анализа нивхско-тунгусо-маньчжурских параллелей, представленных в программной статье Е.А. Крейновича и его других работах, в материалах «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков», стало понятно, что все нивхско-тунгусо-маньчжурские лексические изоглоссы делятся на четыре группы:

1) параллели не вполне ясного происхождения (например, термины родства), которые могут свидетельствовать как об общности происхождения языков, так и о контактных связях;

2) очевидные заимствования из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский язык: в основном это заимствования из языков Приамурья; иногда из маньчжурского языка при отсутствии похожих слов в других алтайских языках;

3) культурные термины не тунгусо-маньчжурского происхождения, заимствованные в нивхский язык при посредстве тунгусо-маньчжурских языков;

4) очевидные или вероятные заимствования из нивхского языка в тунгусо-маньчжурские языки.

Приведем некоторые культурные термины, проникшие из тунгусо-маньчжурских языков или через их посредство в нивхский язык и из нивхского — в айнский язык:

Нивх. *андх*, *антх* ‘гость’, айн Д16 *анта* ‘друг’ из нивх — эвенк. и др. т.-ма. *анда* ‘друг’ См.: [Крейнович 1934: 183; Крейнович 1955: 158; Цинциус 1983: 94].

Нивх. *к»’а* сталь — уд., ульч., нан., ма. ср. нан *га(н)* сталь ([ТМС 1: 139аб] — с монгольскими параллелями, но без нивхского). [Крейнович 1955: 163].

Нивх. *орнг* ‘корыто’, айн. Д235 *отока* ‘корыто для рубки пищи’ — уд. *ото*, ульч., нан *отон*, ма *отон*. Ср.: [Крейнович 1955: 159].

Нивх. *ова*, ВС офанг ‘мука’, айн. Д215 *обба* ‘мука’ — ульч. упан, нан. опа, ма. *уфа* ‘мука’ > нивх. Сюда же эвенк. *о:ва:дитэми*: тесто [ТМС 2: 46]. См.: [Grube 1892: 50; Крейнович 1955: 159].

Нивх. *сета* ‘сахар’, айн. Д282 *садо* ‘сахар’. — ма. *шатан* ‘сахар’, Ср.: [Grube 1892: 976; Крейнович 1934: 183; Крейнович 1937: 54; Крейнович 1955: 163; Панфилов 1973: 8]: нивх ~ нан.

Нивх. *х»аза*, ВС *х»асанг* ‘ножницы’, — нег, ороch., уд, ульч., орок., нан. *хаза* ‘ножницы’ [ТМС 1: 4576–458а] — т.-ма. ~ нивх., при отсутствии данного слова в маньчжурском. См.: [Grube 1892: 64а; Крейнович 1934: 183; Крейнович 1937: 54; Крейнович 1955: 165; Бертагаев, Панфилов 1972: 5]: нивх. ~ монг.; [Панфилов 1973: 8]: нивх. ~ т.-ма. ~ мо.

Нивх. *ч’афк* ‘палочки для еды’ — айн Д285 *сахка* ‘палочки для еды’. Ср. солонск. *сарпа* (< дагурск. — А.Б.), нег. *санки*. ороch. *сипун*, уд. *сафузу*, ульч. *салбу*, орок. *сабу*, нан. *сарби* (< дагурск. — А.Б.), *санки*, ма *сабка* + монг. *савх* ‘палочки для еды’ [ТМС 2: 666–67а] без нивх. См.: [Крейнович 1937: 53]: нивх. ~ уд. [Крейнович 1955: 163]: нивх. < уд., нан., ульч., ма.

Нивх. *ылч*’, ВС *алч*’ ‘раб’ — айн. Д379 усю ‘раб, слуга’. Ср. нег. *олчи*, *элчи*, ороch. *экчи*, орок. *элчу*, *элту*, ульч. *элчу*, нан. *элчи* слуга, работник, раб [ТМС 2: 991б], ма. *олзи* пленник, военная добыча [ТМС 2: 13б]. См.: [Золотарев 1939: 195] ульч. ~ ма. ~ нивх. [Крейнович 1955: 159]: нивх. < нан., ма., [Цинциус 1983: 95].

Анализ фонетических соответствий между нивхскими и тунгусо-маньчжурскими словами позволил установить неоднородный характер этих соответствий, что само по себе было ожидаемым для фактов заимствований. Однако предположения о заимствованиях какой-то лексики из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский язык ставили вопрос о конкретном языке-источнике тех или иных заимствований

(ульчский, нанайский, маньчжурский и т.д.) либо об определенном состоянии тунгусо-маньчжурских языков на тот период, когда такие заимствования могли иметь место, например для общеюжнотунгусского состояния.

Но здесь начали вскрываться непонятные на первый взгляд факты. Многие нивхско-тунгусо-маньчжурские параллели стали соответствовать фактам «никакого» тунгусо-маньчжурского языка — языка с такими чертами, которые в своей комбинации не были свойственны ни одному из тунгусо-маньчжурских языков. Это было особенно выразительно тогда, когда нивхские формы почему-то сочетали в себе черты северно-тунгусских (эвенкийского, негидальского) и южно-тунгусских языков (ульчского, нанайского). Неоднородность соответствий наводила на мысль о разных источниках заимствований.

**Нивх.** *нгыһ,с*, **ВС** *нгаһ,зыри* 'зуб' ~ *эвенк*, **и:**ктэ зуб; *сол.* **и:**ттэ ауб, *эвен.* **и:**т зуб, *нег.* **и:**ктэ (икта *Шт.*) зуб; *ороч.* **иктэ** зуб; *уд.* **иктэ** ауб; *ульч.* **иктэ** зуб; *орок.* **иктэ** зуб; *нан.* **хуктэ Их** (икээ *К-У*, **хуктэ-лэ Бк**) 1) зуб; *ма.* вэйхэ зуб; клык, бивень; *чж.* **wei-hei** зуб. [ТМС 1: 300аб].

**Нивх.** *нгыки*, **ВС** *нгаки* 'хвост' — *эвенк*, **ирги** хвост, *сол.* **игги~ирги** хвост, *эвси.* **иргэ** хвост; *нег.* **ийги**, **идги** хвост; *ороч.* **игги** хвост, *уд.* **иги** хвост, *ульч.* **хузу** хвост; *орок.* **худу** хвост, *нан.* **хују** хвост, *ма.* **унчэхин ~ унчээн** хвост [ТМС 1: 325а].

**Нивх** *ынги*, **ВС** *анги* 'пятка' — *эвенк.* **нги:нти** пятка; *сол.* **нинтэ** пятка. *эвен.*, **нгингтэ** пятка, пяточная кость; каблук, *нег.* **Нинти** — **ницти** пятка, *ороч.* **цинги** пятка, *уд.* **нгингти** пятка, *ульч.* **уцгти** пятка; каблук, *орок.* **укт'и ~ укчи** пятка; задняя часть обуви, задник. *нан.* **унгчи**) пятка; каблук., + нивх. [ТМС 1: 662а].

**Нивх.** *һилх* 'язык' — *эвенк*, **инги** *анат.* язык; *сол.* **инги** *анат.* язык, *эвен.* **иеннгэ** *анат.* язык; *нег.* **ин'ни~ин'нги**, **ини** *Шт* *анат.* язык; *ороч.* **инги~анат.** язык, *уд.* **инги** *анат.* язык; *ульч.* **син'у** *анат.* язык, *орок.* **сингу** *анат.* язык, *нан.* **сингму ~ сирму** *анат.* язык, *ма.* **илэнггу** *анат.* язык; *чж.* **yih-leng-ku** язык. [ТМС 1: 316б–317а].

Все нивхские формы, приведенные в сравнении с тунгусо-маньчжурскими словами, не выводимы из форм отдельных тунгусо-маньчжурских языков, но они полностью соответствуют представ-

лениям о возможном развитии пратунгусо-маньчжурских форм в нивхском языке, если признавать его одним из языков тунгусо-маньчжурской группы.

Одновременно с этими наблюдениями умножившееся число нивхско-тунгусо-маньчжурских изолексов стало давать основания для проверки их по материалам нивхских диалектов, прежде всего амурского и восточно-сахалинского. Эти факты — в сочетании с данными отдельных тунгусо-маньчжурских языков разных групп с учетом их различий — позволили нам осуществить в основных чертах реконструкцию архаического состояния нивхского языка в системе гласных [Бурькин 1987б; 1989а]. В этой области наиболее существенными оказались такие закономерности:

1. На месте соответствия амурского *ы* ~ восточно-сахалинского *а*, где Е.А. Крейнович видел архаику восточно-сахалинского, восстанавливаются гласные *и* или, несколько реже, *э*, соответствующие аналогичным гласным тунгусо-маньчжурских языков.

2. Одновременно с этим на месте нивхского гласного *и*, характерного для обоих диалектов, восстанавливаются дифтонгоидные гласные *иа* или *иэ*, точно соответствующие аналогичным гласным тунгусо-маньчжурских языков и являющиеся эксклюзивной особенностью тунгусо-маньчжурских языков в сравнении с другими алтайскими языками.

3. Для нивхского языка характерной особенностью оказывается утрата начального гласного в словах, некогда начинавшихся с гласного.

В области консонантизма открылась возможность проецировать такие морфонологические особенности нивхского языка, как чередования начальных согласных, на исторические изменения согласных внутри слова в нивхском языке и упрощения групп согласных внутри слова [Бурькин 1987а]. Здесь оказываются значимыми три простых правила:

1. Интервокальные смычные в нивхском языке, если они унаследованы из архаического состояния, переходят в щелевые.

2. Интервокальные смычные в нивхском языке, наблюдаемые ныне, восходят к сочетаниям «сонант + смычный».

3. Сочетания согласных в словах нивхского языка образуются за счет синкопы гласных не первых слогов.



Наличие в нивхском языке множества общих признаков, сближающих его архаическое состояние с тунгусо-маньчжурскими языками, в том числе проявление в нивхском языке черт, свойственных лишь тунгусо-маньчжурским языкам, а также присутствие в нивхском языке эксклюзивных комбинаций признаков, свойственных разным тунгусо-маньчжурским языкам, позволило сделать неожиданный вывод. Нивхский язык входит в алтайскую семью не как самостоятельная ветвь, он является одним из представителей тунгусо-маньчжурских языков, очевидно, ранее других отделившимся от остальной массы языков.

Данное заключение подтверждено результатами анализа 100-словного списка нивхского языка и основных тунгусо-маньчжурских языков [Бурыкин 1988]. Проверка реконструкции архаического состояния нивхского языка на материале культурных терминов (названий металлов и нивхского названия кремня) позволила прийти к выводу, что все названия металлов, в том числе обозначения кремня (для огнива), в нивхском языке являются одновременными заимствованиями, имеющими разные источники [Бурыкин 2005]. Существенная реконструкция обладает достаточной объяснительной силой для идентификации, стратификации и ареальной дифференциации иноязычных и исконных элементов в нивхском языке.

Этому заключению не противоречат и данные грамматики: морфология нивхского языка давала и дает основания сравнивать именные парадигмы (число, падеж) нивхского языка с тунгусо-маньчжурскими языками в целом, а структура глагола (при отсутствии форм спряжения) оказывается сходной с маньчжурской. Помимо грамматики, достаточно много параллелей имеется и в словообразовании нивхского и тунгусо-маньчжурских языков [Бурыкин 1988бв; 1989б].

Обобщение нивхско-тунгусо-маньчжурских параллелей, выявление неочевидных нивхско-монгольских лексических параллелей, анализ разнообразных нивхско-корейских параллелей и присутствие в материале изолированных нивхско-тюркских параллелей точечных диспаратных нивхско-японских параллелей, которые никак не могут быть признаны заимствованиями, выдвинуло на первый план поиски интерпретации того массива нивхской лексики, который считался исконным для языка в статусе изолята.

Как известно, помимо рассмотренных выше нивхско-алтайских и нивхско-тунгусо-маньчжурских генетических и ареальных связей, делались отдельные наблюдения над нивхско-чукотско-камчатскими лексическими схождениями [Крейнович 1979]. Однако как ограниченное количество, так и большое внешнее сходство собранных примеров (даже на значительно большем объеме материала [Мудрак 2000]) говорят о том, что такие лексические совпадения являются следствием заимствований. Можно с уверенностью говорить — заимствований из чукотско-камчатских языков, некогда распространенных в Приамурье и в охотоморском ареале, в нивхский язык.

Между тем в нивхском языке выявляется около 200 заимствований из айнского языка, и как раз этот массив лексики и создает иллюзию специфики и «эксклюзивности» словарного состава языка, так похожего на изолят. Считалось, что амурский диалект нивхского языка испытал влияние тунгусо-маньчжурских языков, в то время как восточно-сахалинский диалект лучше сохранил исконную лексику [Таксами 1980: 205]. В самом деле, если нивх. Ам. *мулк* 'чумашка' признавалось тунгусо-маньчжурским заимствованием благодаря сходству с названиями плетеных изделий в тунгусо-маньчжурских языках, нивх. ВС *тык* 'чумашка' оказалось заимствованным из айнского языка, ср. айн. *tekka, tekko* 'a hand basket', причем факт заимствования данного слова куда более очевиден, нежели предположение о заимствовании нивх. Ам. *мулк* из тунгусо-маньчжурских языков.

Все сказанное здесь о реконструкции архаического состояния нивхского языка и истории его словарного состава заставляет вспомнить то, что писал об этногенезе и этнической истории нивхов в конце 1950-х годов М.Г. Левин (во многом повторяя то, что было высказано в начале XX в. Л.Я. Штернбергом). По М.Г. Левину, нивхи могли рассматриваться по этнографическим и антропологическим данным как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами. Но такому утверждению (повторяю, во второй половине 1950-х годов! — А.Б.) категорически препятствовали данные языка [Левин 1958: 340–341]. В наше время как раз данные языка более чем выразительно указывают именно на то, что нивхский язык является в своей основе тунгусо-маньчжурским, что в своем развитии он испытал заметное влияние палеоазиатских языков, некогда распро-

страненных в Нижнем Приамурье и Охотоморском бассейне, и подвергся довольно сильному влиянию айнского языка, который и оказал влияние на появление в нивхском языке префиксальных форм, на формирование системы чередований начальных согласных и развитие сложной системы выражения пространственных отношений.

### Библиография

*Бертагаев Т.А., Панфилов В.З.* Нивхско-монголо-тюркские связи // Проблемы алтаистики и монголоведения (тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции). Элиста, 1972. С. 5–6.

*Бурыкин А.А.* Происхождение чередований начальных согласных в нивхском языке // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 185–190.

*Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма // Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 46–54.

*Бурыкин А.А.* Эскимосско-алеутские субстратные элементы в лексике языков Охотского побережья // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. Т. II. Языкознание, литературоведение. М., 1987. С. 26–29.

*Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера. Л., 1988. С. 136–150.

*Бурыкин А.А.* Фрагменты сравнительно-исторической грамматики нивхского языка. I. Местоимения // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР. Языкознание. М., 1988. С. 20–23.

*Бурыкин А.А.* Фрагменты сравнительно-исторической грамматики нивхского языка. II. Словообразовательные и словоизменительные суффиксы // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР. Языкознание. М., 1988. С. 23–25.

*Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. II // Лингвистические исследования 1989. Структура языка и его эволюция. М., 1989. С. 45–49.

*Бурыкин А.А.* Фрагменты сравнительно-исторической грамматики нивхского языка. III // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. II. Языкознание. М., 1989. С. 200–202.

*Бурыкин А.А.* Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001–2004): Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 177–185.

*Добротворский М.М.* Аинско-русский словарь. Казань, 1875.

*Крейнович Е.А.* Нивхский (гиляцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934. Вып. III. С. 181–222.

*Крейнович Е.А.* Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. Л., 1937.

*Крейнович Е.А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, 1955. № 8. С. 135–167.

*Крейнович Е.А.* Из истории заселения Охотского побережья (по данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. М., 1979. Вып. XX. С. 186–201.

*Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.

*Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

*Мудрак О.А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148.

*Панфилов В.З.* Нивхско-алтайские языковые связи // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 3–12.

*Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975; 1977.

*Цинциус В.И.* О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. Тезисы докладов. М., 1974. С. 82–85.

*Цинциус В.И.* О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983. С. 92–102.

*Штернберг Л.Я.* Гиляки. СПб., 1905.

*Штернберг Л.Я.* Айнская проблема // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. VIII. С. 334–374.

*Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.